

Поэтому вопрос о философском осмыслении идей и ценностей, которые лежат в основе массового правосознания, и их сопоставлении с соответствующими установками элит — это и есть предположительно главный из всех возможных предметов исследования, где осуществляется «встреча философии и права в контексте системных кризисов государства и общества»¹.

Во-вторых, каждая из так называемых «великих русских смут» (в современной отечественной историографии их принято насчитывать, по крайней мере, три²: «Смута семнадцатого века», в ходе которой оказались сотрясены все основания государственности, подвергшейся соблазну самозванцев, хаосу децентрализации, интервенции и предательским действием прозападнических элит средневековой Московской Руси; «Смута семнадцатого года», «модернистская», рассыпавшая прежнюю империю, и воссоздавшая ее в ином качестве, определившем ход истории в Новейшее время; и, пока (на день сегодняшний) последняя — но все еще так и не преодоленная — «постмодернистская» Смута, которая три десятилетия назад разрушила Империю СССР и окунула «новую Россию», а вместе с ней и все постсоветское пространство (да и многие другие, как соседние, так и дальние государства)³ в продолжившееся теперь уже в новом тысячелетии «смутное время», приобретающее в последние годы все более глобальные очертания⁴) занимает исключительно важное место «в системе коллективной социально-исторической памяти», фактически, служит так называемым «местом памяти», являющимся не просто символом прошлого, но организующем систему духовно-нравственных и политико-правовых ориентиров человека и общества в их настоящем и будущем.

В-третьих, отметивший в 2021 году свой восьмивековой юбилей Нижний Новгород сыграл поистине памятную роль в преодолении той самой первой «Великой русской смуты» — Смуты XVII века — парадигмальной, во многом обусловившей параметры всей дальнейшей российской истории. И было бы странно, если эта выдающаяся историческая роль Нижнего Новгорода и нижегородцев⁵ в том выходе из глубочайшего системного кризиса России осталась без упоминания на круглом столе «Право в системе коллективной социально-исторической памяти: К 800-летию Нижнего Новгорода». Представляется очевидным, что для спасения от нынешней глобальной смуты нам необходимо вспомнить и переосмыслить собственный исторический опыт, как говорится, «нужно встать на плечи предков»⁶.

В условиях переживаемого сейчас беспрецедентного кризиса нам жизненно важно обратиться к этому опыту своих предков и сделать выводы из всех прежних смут: наш народ вовсе не «правонигилистичен», его правовое чувство живо и остро реагирует на попытки разрушения цивилизационной идентичности со стороны ориентированных на ценности иной цивилизации элит.

Матвиенко Евгений Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России

Права человека в XXI столетии: новые вызовы и угрозы

Проблематика, так или иначе связанная с закреплением, соблюдением и защитой прав человека, занимает значительное место как в медийном пространстве современного общества, так и в политическом, правовом и философском дискурсах. К сожалению, политизированность данной

¹ Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Русский марксизм и массовое правосознание в России: встреча философии и права в контексте системных кризисов государства и общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 289–290.

² Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М.: Моск. ун-т МВД России имени В. Я. Котля, 2018. С. 54–112.

³ См.: Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 3. С. 98–147.

⁴ Россия и глобальный кризис современности: материалы межведомственного круглого стола // Философские исследования и современность: Вып. 10. М.: ИПЛ, 2021. С. 202–255.

⁵ См.: Селезнев Ф. А. Нижегородцы и преодоление Смуты (1606–1618). Н. Новгород: Деком, 2015. 144 с.

⁶ Бельский В. Ю., Марченя П. П. Нужно встать на плечи предков // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3 (28). С. 28–28 (1–10). DOI: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-28-28>.

темы достигла в последнее время пиковых значений. Проблема «прав человека» нередко превращается в разменную монету в экономическом и идеологическом противостоянии различных стран и их объединений. С упорством, достойным лучшего применения, ведущие геополитические игроки обвиняют друг друга в пренебрежении базовыми правами и свободами личности, фиксируя многочисленные факты вопиющих нарушений в регулярно публикуемых докладах и дипломатических нотах. Все это привело к заметной девальвации проблемы с точки зрения непредвзятого наблюдателя.

Однако, если отбросить в сторону политические игры, то на первый план выдвигается ряд действительно важных и глубоких проблем, заслуживающих самого пристального внимания как философов, так и юристов. Эти проблемы фиксируются правосознанием общества и выступают важным фактором, влияющим на ход и результаты социального развития.

Отправной точкой рассуждений в этом вопросе должно, на наш взгляд, стать безусловное признание историчности прав человека, а также их органической связи с культурой общества (с правовой культурой — в особенности). Такое видение принципиально отличает современную повестку дня от классической европейской. Мыслители Нового времени рассматривали естественное-правовые постулаты как абсолютные и неизменные, утвержденные раз и навсегда, аналогичные в этом смысле законам природы или законам формальной логики. Так, один из пионеров естественно-правовой теории Гуго Гроций подчеркивает: «Естественное право... столь неизменно, что не может быть изменено даже самим Богом».¹ Соответственно, будучи сформулированы в философских трактатах и закреплены в конституциях и кодексах, права человека не нуждались более ни в изменении, ни в каком-то дополнительном обосновании или особой защите — как не нуждались в них, к примеру, законы Ньютона.

Сегодня ограниченность такого подхода очевидна. Признание прав и свобод человека в качестве основополагающего принципа общественного устройства есть историческое завоевание человечества. Как и все историческое, такое признание имеет преходящий характер. Однако, на наш взгляд, на сегодняшний день (да и на обозримое будущее) потенциал концепции прав человека далеко не исчерпан. Следовательно, эта идея и основанная на ней социальная практика нуждается в дальнейшем обосновании и защите (в том числе и с помощью интеллектуального арсенала философии).

Долгое время основной угрозой правам и свободам человека считался (вполне обоснованно) политический деспотизм, характерный для авторитарных и тоталитарных режимов. Им противопоставлялся и противостоял «Свободный мир», исторически представленный западными демократиями. Теоретическая антиномия «открытых» и «закрытых» обществ, доведенная до апогея в известной работе Карла Поппера,² удачно дополнялась глубоким художественным осмыслением тоталитаризма в ставшем со временем хрестоматийном романе Джорджа Оруэлла «1984». Образ всевидящего и всезнающего «Большого брата» на десятилетия стал кошмаром для прогрессивно мыслящих западных интеллектуалов.

Конец восьмидесятых — начало девяностых годов XX века характеризовались кратковременной всеобщей эйфорией, связанной с крахом коммунистической идеологии, распадом СССР и ожиданием провозглашенного Фукуямой скорого и неизбежного «конца истории». Казалось, права человека больше ничего не угрожает. Но отрезвление наступило очень быстро. Собственно, наиболее проницательные представители западной цивилизации и раньше прекрасно видели опасности и угрозы «дивного нового мира». На них указывал в одноименной антиутопии Олдос Хаксли, их подробно описывал (в частности, в «Одномерном человеке») Герберт Маркузе. Последний прекрасно уловил тоталитарные тенденции, все более явно проглядывающие за демократическими декорациями общества потребления, одним из первых указал на опасность (тогда только набравшей обороты) индустрии сознания.³

Однако предупреждения Хаксли и Маркузе услышаны не были, по крайней мере, широкими массами и управляющей ими экономической и политической элитой. Казалось, что развитие науки, техники и технологии, экспоненциальный рост производства материальных и духовных благ (качество последних — вопрос отдельный), повышение продолжительности и качества жизни

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 71,72.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.

³ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.

действительно все шире приоткрывают ворота в прекрасный новый мир, где не будет места кровавым конфликтам, бесправию и нищете. Страны Западной цивилизации, а вслед за ними и многие другие (включая и Россию), попытались в эти ворота войти.

К сожалению, человечество ожидало глубокое разочарование. Права и свободы личности отнюдь не стали реальной (а не декларируемой) основой принятия ключевых общественных решений.

Сохранились, а во многом и усилились, прежние угрозы для их признания и реализации. Как и столетия назад, во многих регионах мира процветают политический террор и репрессии, коррупция и nepotизм, дискриминация по расовому, национальному, конфессиональному, гендерному признаку. Конфликты на этнической и религиозной почве, фанатизм и нетерпимость остаются обычным явлением.

Однако возникают и угрозы принципиально новые. Их на наш взгляд, можно разделить на две большие группы. К первой из них следует отнести накрывшую Запад и постепенно распространяющуюся за его пределы настоящую «вакханалию толерантности». Происходящее прекрасно иллюстрирует известный тезис, что любая идея, будучи доведена до абсурда, превращается в свою противоположность. Изначально благородная идея борьбы с любыми формами дискриминации и защиты прав меньшинств превратилась в орудие дискриминации большинства, которому агрессивно навязываются небесспорные, мягко говоря, представления и ценности. В «либеральной» среде складывается настоящий «культ девиации», успешно вытесняющий «культ нормы». «Либерализм» адептов этого культа мы берем в кавычки, потому что подлинный (увы, давно и видимо безвозвратно утраченный Западом) либерализм исходил из права каждого иметь и отстаивать любую (за исключением, возможно, откровенно деструктивных) точку зрения, право «плыть против течения». Сегодня такого права среднестатистический американец или немец практически лишены. Человеку приходится бороться за право быть нормальным. Пресловутая «культура отмены» способна практически мгновенно «вычеркнуть» человека из социальной жизни — причем совершенно независимо от его прежних заслуг или наличия реальной вины. Обозначенные процессы принимают все более абсурдные формы. Производители отказываются от использования брэндов типа Geisha или Uncle Ben's как якобы унижающих достоинство японских женщин и афроамериканцев. В то же время откровенно расистское движение BLM (Black Lives Matter) провозглашается носителем прогрессивных ценностей...

Другая угроза связана с развитием новой техники и технологий прежде всего цифровых. Можно согласиться с И. А. Гусейновой в том, что «глобальный поворот к цифре требует переосмысления всех видов деятельности человека, а также пересмотра его коммуникативной, профессиональной и социальной активности».¹

Стремительно формируются новые формы социального неравенства как межличностного, так и межстранового, причем последнее демонстрирует устойчивую тенденцию к углублению. Исследователи подчеркивают, что «в глобально-цифровом обществе возрастает угроза потери не только гражданами, но и отдельными государствами своего суверенитета... Государство может превратиться в средство тотального контроля, называемое некоторыми авторами электронным концлагерем».² «Онлайн-бытие» человека сегодня практически прозрачно для того, кто обладает необходимыми для проникновения в него технологическими и экономическими ресурсами. Сфера же этого бытия (в том числе под влиянием пандемии) постоянно расширяется. Да и в формате офлайн личное пространство индивида неуклонно сжимается. Оруэлловский «Большой брат» благодаря цифровизации обрел сегодня невиданные ранее возможности, которые с неизбежным прогрессом цифровых технологий будут только возрастать, превращая его власть практически в абсолютную.

Здесь, правда, следует указать на еще одну тревожную тенденцию — тенденцию нарастающей «приватизации государства». О ней достаточно откровенно пишет, например, известный теоретик постиндустриализма К. Шваб.³ Традиционно публичные функции, ранее бывшие монополией государства, все более отдаются на откуп частному бизнесу. На смену «Большому брату», хотя бы

¹ Гусейнова И. А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2020. № 4. С. 92.

² Даллакян К. А. Трансформация права и свободы в эпоху цифровизации // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений десятой международной научной конференции. Омск, 2021. С. 12.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 85.

номинально пекущемуся об общем интересе, приходит несколько десятков корпораций, которые озабочены исключительно получением прибыли. Права и свободы личности им не интересны, более того, являются препятствием для максимизации этой самой прибыли. Впрочем, это препятствие вполне преодолимо.

Мы вынуждены сделать вывод, что хотя права и свободы человека декларируются большинством современных государств как высшая ценность, до воплощения этих деклараций в жизнь еще очень далеко. На этом пути мы сталкиваемся с массой вызовов и угроз, в том числе принципиально новых. Их устранение требует активной совместной работы как государства, так и прежде всего гражданского общества.

Зуева Ольга Владимировна,

кандидат социологических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России;

Демидов Николай Николаевич,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

**Мониторинг общественного мнения о деятельности полиции:
история развития системы исследования**

Изучение общественного мнения социологическими методами исследования является относительно новой научной процедурой. Начало было положено в первой половине XX века в связи с утверждением в научном поле эмпирической социологии. Но проблема общественного мнения во всех обществах и во все времена была насущной в связи с необходимостью реагировать на желания и потребности различных слоев общества. Властвующие элиты различных типов государств обращали внимание на общественное мнение. Даже самые авторитарные правители прислушивались к голосу угнетенных масс так как «правительства должны интересоваться о мнениях своих граждан, хотя бы в качестве основы для подавления недовольства».¹

Теоретически явление общественного мнения было обосновано на протяжении двадцатого столетия многими философами и социологами. Существует довольно большое количество определений данного явления. Одной из распространенных дефиниций является представление общественного мнения Б. А. Грушина, который определяет его как состояние массового сознания, выражающее явное или скрытое отношение общественности к социальным процессам и явлениям, которые затрагивают ее интересы и потребности.² Таким образом, опираясь на авторитетную позицию, можно сказать, что общественное мнение определяет точку зрения общества на общественно значимые вопросы.

Вопрос совершенствования деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) является одним из таких. Общество всегда чутко реагирует на изменения в работе этого важнейшего правоохранительного органа. В свое время именно результаты опросов общественного мнения о деятельности, на тот момент еще милиции, стали отправной точкой начала реформирования ОВД в современной России. А с момента вступления в законную силу Федерального закона Российской Федерации «О полиции» общественное мнение приобрело официальный статус критерия оценки деятельности полиции.

История проведения массовых опросов граждан с целью выявления их мнения о деятельности ОВД берет начало еще в период существования советского общества. Можно условно выделить четыре периода исследования отношения населения к милиции/полиции.

Первый период хронологически охватывает 70-е годы XX века по 1991 год и характеризуется отсутствием единой системы в изучении этого вопроса. Как правило, в тот период опросы

¹ Брукер Р. Дж., Шефер Т., Методы измерения общественного мнения // Общественное мнение в XXI веке. URL: <http://www.uky.edu/AS/PoliSci/Peffley/pdf/473Measuring%20Public%20Opinion.pdf> (дата обращения: 15.07.2021)

² Грушин Б. А., Горшков М. К., Голдберг Ф. И. Общественное мнение. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7106/> (дата обращения: 20.07.2021)